

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Институт гуманитарных наук
Кафедра отечественной истории

На правах рукописи

Дружинин Алексей Александрович

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОДДАНСТВА В КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫХ
ЗАПИСЯХ СЕРЕДИНЫ XVI – XVII ВЕКОВ**

46.06.01. Исторические науки и археология

Отечественная история

**Научный доклад
об основных результатах научно-квалификационной работы
(диссертации)**

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Васильев Дмитрий Валентинович

Москва

2022

I.ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Во второй половине XV – первой трети XVI вв. русские земли активно объединялись вокруг Москвы, менялось положение молодого Московского государства на международной арене, укреплялась государственность, появилась необходимость формирования идеологической базы. Вместе с тем наметилось укрепление despотической власти великого князя, что привело в итоге к трансформации великокняжеского титула в царский. Вышеозначенный процесс сопровождался серьёзными изменениями во взаимоотношениях между главой государства и подданными, нашедшими отражение в разных документах исследуемого периода и требующих внимательного изучения для воссоздания как можно более объективной картины прошлого. Однако, для этого недостаточно было бы интерпретировать исторический источник исходя из особенностей современного сознания, отталкиваясь от привычных нам концепций и шаблонов мышления. В современной исторической науке всё большее значение приобретает умение исследователя не только буквально истолковать текст исторического источника, но интерпретировать его таким образом, чтобы историческая реальность, к которой принадлежит исследуемый документ, раскрылась с минимальным количеством искажений, неизбежных при попытке трактовать источник отталкиваясь от современных реалий. Так, опираясь, к примеру, на наследие Школы «Анналов» или Московско-Тартуской семиотической школы, можно рассматривать события и явления изучаемой эпохи в комплексе взаимодействия политической, культурной и социальной сфер жизни общества изучаемого периода. Текстовые источники можно и нужно рассматривать, в том числе, как систему символов и знаков, позволяющую понять, какой смысл в тот или иной документ вкладывали современники изучаемых событий, каким образом отразились в нём особенности соответствующей эпохи. И существенным

подспорьем для выявления природы властных отношений, причин произошедших в них перемен, может выступать присяга, с древнейших времён сопровождаемая на Руси обрядом целования креста. При условии внимательного и скрупулёзного анализа крестоцеловальных записей, возможно проследить эволюцию института подданства, выявить изменения в восприятии народом власти как таковой, понять уровень её легитимности в изучаемый период. Так, изменение единственного слова в крестоцеловальной записи, не говоря уже об изменении формулировки всей присяги, может являться свидетельством весьма серьёзных перемен в обществе в целом и в его политической структуре в частности, отражая эволюцию властных отношений.

В качестве **объекта исследования** были выбраны подданныческие отношения между царем Московского государства и населяющими его социальными группами.

Предметом исследования стала отражённая в присягах на верность государю эволюция властных отношений в московском царстве и сопутствующие ей политические, социальные и культурные изменения эпохи.

Хронологические рамки охватывают период с середины XVI до конца XVII веков, то есть со времени появления, собственно, Московского царства при Иване IV до периода появления предпосылок становления Российской империи, когда крестоцеловальные записи сменяются присягами на Евангелии.

Степень изученности темы: в историографии отсутствуют работы, где бы комплексно исследовалась эволюция властных отношений в Московском царстве сквозь призму крестоцеловальных записей. Однако, крестоцеловальные записи как таковые фигурируют в качестве источника еще в дореволюционной историографии. Так, у М. Н. Карамзина мы встречаем упоминание о том, что в присяжных грамотах Юрия Звенигородского впервые

употребляется формулировка «Милостию Божией...»¹, однако классик не пошёл дальше констатации факта и не стал анализировать причины и значение употребления такого оборота. Им же подробно описывается содержание присяги Борису Годунову без попытки анализа документа.² Подобным образом, то есть как к источнику, а не как к объекту исследования к вышеозначенному документу относятся и другие исследователи XIX века – например, упоминанием крестоцеловальной записи ограничиваются Д. И. Иловайский³ и М. К. Любавский.⁴ С. М. Соловьёв упоминает в своем труде «поручные записи» в контексте событий Опричнины, но также не пытается анализировать их.⁵ Тем не менее, ситуация меняется с середины XIX века – так, знаток быта русских царей И. Е. Забелин приходит к выводу, что крестоцеловальные записи охраняли государей в том числе от опасностей, с которыми они могли столкнуться в домашнем кругу, во дворце – отравления, волхование и другие невзгоды, основанные, по его мнению, на прецедентах, с которыми цари и их домочадцы уже сталкивались.⁶ Историк права Г. Г. Тельберг включает в свою работу вывод о том, что присяжные грамоты, бывшие до XVI века индивидуальными, в веке XVII становятся исключительно массовыми присягами государю.⁷ Очень внимательно отнёсся к «подкрестной записи» Василия Шуйского такой классик, как В. О. Ключевский, исследовав её происхождение и политическое значение.⁸

¹ Карамзин М. Н. История Государства Российского. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство Альфа-книга», 2018. С. 472

² Там же. С. 1058

³ Иловайский Д. И. Царская Русь. конец эпохи Рюриковичей. М.: Академический проект, 2018. С. 242

⁴ Любавский М. К. Русская история от древности до конца XVIII в. М.: Академический проект, 2015. С. 302

⁵ Соловьев. С. М. История России с древнейших времён. С.-Петербург. Издание высочайше утверждённого товарищества «Общественная польза». Т 2., 1851, С. 154

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI – XVII столетиях. Киев: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2018. С. 354-356

⁷ Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 71

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство Альфа-книга», 2021. С. 528-529

Можно сделать вывод, что в дореволюционной историографии крестоцеловальные грамоты выступали исключительно источником, но не объектом исследования, хотя начиная со второй половины XIX века исследователи стали изучают их гораздо пристальнее.

Двойственное отношение к крестоцеловальным записям сохраняется и в советской историографии – так, детально анализирует структуру этих документов Л. В. Черепнин.¹ С. В. Веселовский посвятил целый раздел своей монографии по истории Опричнины тщательному исследованию поручных и крестоцеловальных записей соответствующего периода, прияя к выводу, что поручные записи времени правления Ивана Грозного отличаются от предшествующих большим количеством поручителей и огромной денежной неустойкой.² По мнению исследователя, инициатором поручных записей выступал сам государь, используя их как средство в борьбе с побегами дворян и бояр, однако, невольно оказался виновником сплочения политической элиты, с которой конфликтовал, что привело в конце концов к учреждению опричного двора, где Иван IV получил личную безопасность и свободу действий.³ В то же время Р. Г. Скрынников лишь вскользь упоминает о существовании, например, двух присяжных грамот Василия Шуйского, причем в записи, составленной от имени нового государя, почему-то существенно умаляет значение содержащегося в ней происхождения последнего как обоснования легитимности.⁴ Также мимоходом упоминает о принесении присяги и церемонии крестоцелования, например, Борису Годунову, А. А. Зимин.⁵ Некоторые историки советского периода (например,

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 297

² Веселовский С. В. Исследования по истории Опричнины. М.: 1963. С. 123, 124

³ Там же.

⁴ Скрынников Р. Г. Смутное время. Крушение царства. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 224

⁵ Зимин А. А. Иван Болотников. Первая Крестьянская война в России. М.: Мысль, 1986. С. 223

Р. Ю. Виппер¹, С. Ф. Платонов²) вообще обходят стороной крестоцеловальные записи, не используя их ни как источник, ни как объект.

Таким образом, в советской историографии сохраняется тенденция предшествующего периода – присяжные грамоты в трудах историков порой игнорируются совсем, порой упоминаются в контексте каких-либо событий, реже являются объектом исследования.

Отношение исследователей к крестоцеловальным записям в корне меняется в новейшей историографии – во многих исследованиях им уделяется пристальное внимание, нередко они выступают в качестве именно объекта исследования. Так, подробно и скрупулёзно разбирает природу крестоцеловальных грамот Д. И. Антонов, указывая на амбивалентность этого документа, так как, с одной стороны, клятва в христианстве сама по себе греховна, с другой стороны – грехом является и нарушение такого ритуала как целование креста, исполненного сакрального смысла.³ Исследователь также подробно анализирует уникальную крестоприводную запись В. Шуйского, придя к выводу, что эта клятва в том числе послужила поводом к свержению последнего, так как современники восприняли нововведение царя как грех гордыни.⁴ Указывает Д. И. Антонов и на ошибки Бориса Годунова, повелевшего приводить ко кресту в церквях, за что был обвинён современниками в невежестве, убеждёнными, что Господь повсюду, и для клятвы не обязательно приводить поданных в церковь.⁵ Т. В. Черникова детально рассмотрев крестоцеловальную запись В. Шуйского, пришла к выводу, что последний пытался провести политическую реформу по западному образцу, ограничив самодержавную власть государя.⁶ К

¹ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922

² Платонов С. Ф. Иван Грозный Пг.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923.

³ Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. – С. 117

⁴ Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. – С. 39

⁵ Там же. С. 64

⁶ Черникова Т. В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М.: МГИМО-университет, 2012. С. 399-404

противному мнению приходит детально проанализировавший эволюцию крестоцеловальных записей периода смуты В. Н. Козляков, относительно присяги В. Шуйского отмечая, что, вопреки распространённому в научном мире выводу, она не содержала в себе добровольного ограничения власти.¹ А. И. Филюшкин также уделяет внимание проблеме клятвы великим князьям и царям – по его мнению, заключённые договора на Руси скреплялись крестным целованием, так как представители высшей власти земным органам были неподсудны.² Большое значение для исследования властных отношений в контексте присяги имеет статья И. Г. Пономарёвой о происхождении крестоцеловальных записей, которые автор статьи предлагает именовать «укреплёнными грамотами», обосновывая некорректность общепринятого термина³ и предполагая, что вышеозначенные документы появляются в середине XV в. по инициативе Дмитрия Шемяки.⁴ Также исследователь приходит к выводу, что крестоцеловальные записи, эволюционируя от договорных до лишенных договорной составляющей, дали возможность великокняжеской власти ускорить искоренение вассалитета и заменить его подданническими отношениями.⁵ Л. А. Чёрная отмечает, что важной составляющей присяжных грамот была клятва сбережения царской чести, причём задача служения государю конкретизировалась в разных грамотах в зависимости от чина присягающего – так, члены Боярской думы клялись не разглашать государственную тайну, думные дьяки – вести дела беспристрастно и по закону и т.д.⁶ Скрупулёзно изучает крестоцеловальные грамоты периода Алексея Михайловича И. Л. Андреев в биографии

¹ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. – С. 184

² Филюшкин А. И. Институт крестоцелования в Средневековой Руси // Клио: Журнал для учёных. СПб., 2000. № 2. С. 43

³ Пономарёва И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник [Отв. Ред. С. М. Каштанов]; Ин-т славяноведения РАН; Археограф комис. РАН; Фед. архив. агентство. – М.: Наука, 2012. С. 64

⁴ Там же С. 75

⁵ Там же.

⁶ Чёрная Л. А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 41-42

«тишайшего» монарха – например, исследователь приходит к выводу, что не исключён вариант, что придворные изначально видели мать юного царя – Евдокию Лукьяновну в качестве регента, учитывая наличие черновика крестоцеловальной записи, где имя царицы стоит раньше имени государя.¹ Им же отмечены актуальные для государева двора того времени страхи, нашедшие отражения в присяге на верность Юному Алексею Романову – в формулировке «не искать иного государя» в данном случае И. Л. Андреев видит небеспороченные опасения, что на престол может претендовать датский королевич Вольдемар.²

Таким образом, в новейшей историографии исследователи всё чаще обращаются к крестоцеловальным записям не только как к источникам информации, но и как к объектам исследования, что, впрочем, не исключает работ по заданному периоду, где этот тип документа либо упоминается вскользь, как например, в работе американского исследователя Нэнси Коллманн о правовой системе Московского государства XVII в.,³ либо не упоминаются вовсе.

Определив актуальность и степень научной разработанности проблемы, можно поставить **цель исследования:** проследить отражение эволюции властных отношений в крестоцеловальных записях середины XVI-XVII веков.

На основе заданной цели можно сформулировать следующие исследовательские задачи:

1. Проанализировать эволюцию властных отношений в Великом княжестве Московском и Московском царстве от договорных отношений между представителями политической элиты до подданнических.
2. Выяснить характер отношений между представителями политической элиты и государем в означенный период.

¹ Андреев И. Л. Алексей Михайлович Тишайший. М.: Академический проект, 2018. С. 56

² Там же. С. 57

³ Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 399.

2. Выявить идеологические обоснования царской власти, отражённые в крестоцеловальных записях середины XVI-XVII вв.

3. Проследить отражение становления самодержавия и сакрализации власти в период правления первых Романовых.

4. Установить причину изменения формулировки присяги, повлекшую замену крестоцеловальных записей обещаниями на Евангелии.

Источниковую базу в первую очередь составляют, безусловно, крестоцеловальные грамоты XV-XVII вв. В исторической науке сложилось две трактовки понятия «крестоцеловальная грамота» - в узком смысле этот термин подразумевает присягу, либо одностороннюю клятву великому князю или царю, и вернее было бы называть их «укреплёнными» или «присяжными грамотами», как предлагает исследователь И. Г. Пономарёва.¹ Так же в некоторых исследованиях подобные документы называются «проклятыми» грамотами, поскольку в своей завершающей, так сказать «санкционной» части, содержат проклятия в адрес присягающего в случае нарушения клятвы. В широком смысле под крестоцеловальными грамотами принято понимать в целом клятвы, договоры и присяги, скреплённые обрядом целования креста вне зависимости от того, имеют ли они под собой договорную основу, как, например, договорные грамоты Удельной Руси, либо являются клятвой односторонней. Автор данной работы придерживается второй из предложенных трактовок, поскольку рассмотрение исключительно укреплённых грамот не отразит всей сути изменений подданныческих отношений в Московском царстве. Помимо, собственно, крестоцеловальных записей, большое значение имеет рассмотрение так называемых «шертных» грамот, в буквальном смысле не являющихся крестоцеловальными грамотами, поскольку не предполагали целования креста, будучи составленными для

¹ Пономарёва И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник [Отв. Ред. С. М. Каштанов]; Ин-т славяноведения РАН; Археограф комис. РАН; Фед. архив. агентство. – М.: Наука, 2012. С. 65

нехристианских подданных Московского государства, но, тем не менее, являющихся грамотами присяжными.

Также источниками первостепенной важности являются для нашего исследования утверждённые грамоты, фиксирующие важные изменения в жизни государства, как то: избрания на царство, признание венчания на царство Ивана IV патриархом православной церкви, и др. Перекликаясь с крестоцеловальными записями, будучи с ними тесно связанными, эти документы также отражают интересующие нас явления, связанные с эволюцией подданства.

Безусловно, в качестве источника может выступать Соборное уложение 1649 года, содержащее понятие государевой чести, к защите которой так или иначе призывали и тексты присяг, и санкции за нарушение служебного долга (также включенные в крестоцеловальные записи). Таким образом, сравнив означенные формулировки и термины Соборного уложения и более ранних присяжных грамот, можно проследить эволюцию властных отношений.

Помочь исследованию также может актовый материал в виде грамот – как царских, так и исходящих от духовенства и бояр – так, например, этот материал даёт возможность проанализировать основания для легитимности воцарения государей периода Смуты.

Основы идеологии, представления о власти и государственности, взаимосвязи государя и подданных нашли отражение в чинах венчания на царство. Этот источник особенно ценен тем, что до нашего времени дошли чины венчания каждого государя, начиная с Дмитрия-внука, за исключением Лжедмитрия I, что позволяет нам сравнить их для выявления эволюции вышеозначенных факторов.

Для определения сущностных аспектов проблемы важнейшее значение имеют летописи, хронографы и публицистика того времени. Важным для исследования является даже тот факт, что в XVI веке исчезает независимое летописание, в официальных же летописях заметен явный крен от фактического материала в сторону идеологии. Появляются масштабные

летописные своды, создаваемые по заказу политической элиты или главенствующего духовенства (например, Никоновский летописный свод) – здесь, к Б. Н. Клосс отметил отражение эволюции властных отношений в поддержке церковью сильной великокняжеской власти.¹

Взгляды современников на власть государя отражены также в Степенной книге и Царственной книгах, созданных во второй половине XVI века.

После 1567 года образуется лакуна в официальном летописании, после Смуты мы можем опираться только на летописцы XVII в., к примеру – Новый летописец, где отражался официальный взгляд на Смуту периода правления Михаила Фёдоровича, а также новые идеи взаимоотношений государя и подданных. Также события правления Ивана IV и Смуты описаны в Пискарёвском летописце.

Достаточно важны для исследования литература и публицистика того времени – сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского, старца Филофея, Иосифа Волоцкого, Григория Котошихина и других современников исследуемого периода, содержащие идеи и представления о власти и подданстве. Отдельно в этой категории источников можно выделить «Сказание о князьях владимирских», «Сказание» Авраамия Палицына.

Рассмотрение вышеуказанных источников с применением антропологического подхода, при условии кропотливого анализа их обрядовой и содержательной частей, с учётом особенностей мышления современников, даст возможность раскрыть их смысл с минимальнымиискажениями, неизбежными при попытке интерпретировать исследователем документ, основываясь на современной картине мира.

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе впервые предпринята попытка комплексного анализа эволюции властных отношений в контексте присяги; показаны изменения взаимоотношений государя и

¹ 21 Клосс Б.Н. Никоновский свод и русские летописи XVI - XVII вв. М., 1980. С. 23.

подданных, изменения идеологии власти, отразившиеся в крестоцеловальных записях.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении роли присяги в эволюции властных отношений в историческом развитии Московского государства середины XVI – XVII вв.

Практическая значимость заключается в возможности использования студентами данного материала для изучения представлений о власти и подданстве в указанный период.

В основу **методологии** лёг принцип историзма в сочетании с принципом объективности, благодаря которым можно рассмотреть взаимоотношения власти и подданных в Московском царстве учитывая конкретно-исторические условия их эволюции. Помимо использования в исследовании общенаучных методов, таких как дедукция, синтез, анализ, были использованы и специально-исторические методы, например, сравнительно-исторический, историко-системный. В целях минимизировать искажение исторической реальности при анализе исторических источников, применена семиотическая методология истории.

На защиту выносятся следующие положения:

1. К середине XVI в. в Московском государстве происходит эволюция взаимоотношений элит, выразившаяся в переходе от договорных отношений к подданству, при этом структура властных отношений также меняется сверху вниз – от знати к простолюдинам.
2. В крестоцеловальных записях отражаются фобии великих князей и государей московских: если в XV – первой половине XVI в. для великих князей, занятых по определению М. М. Крома, «собиранием власти»¹ главной угрозой являлась измена, отъезд представителей политической элиты, для Ивана IV основную опасность представляет возможность консолидации последней и противостояние воле Помазанника Божьего, то для сменяющихся

¹ Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV-XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 12

государей периода Смуты главная задача – легитимация власти и/или установление, сохранение династии; для первых Романовых впоследствии – сакрализация власти, вывод властных отношений на новый уровень в преддверии строительства империи (тогда еще в первую очередь православной).

3. Обряд целования креста при принесении присяги меняется в середине XVII века на обещание на Евангелии не только и не столько в силу девальвации в обстоятельствах Смуты, сколько по причине грекофильских реформ патриарха Никона накануне воссоединения Украины с Россией, требовавшего принесения присяги по новому образцу.

Достоверность исследования обеспечивается за счёт обращения к широкому кругу официальных источников, содержащих значительный объём фактологического материала, а также многочисленным экспертным оценкам.

Апробация результатов исследования – опубликовано четыре научные статьи. Три из них – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, цель и задачи, раскрыта степень изученности проблемы и рассмотрена источниковая база, представлена методология и методы исследования, обоснованы новизна и практическая значимость научно-квалификационной работы.

Первая глава «Эволюция подданства в крестоцеловальных записях в XV – начале XVI вв.» посвящена исследованию эволюции властных отношений на протяжении истории Удельной Руси и Московского царства XVI в.

Анализ источников позволил установить, что в указанный период взаимоотношения между главой русского государства и политической элитой значительно изменились: до середины XV века клятвой на кресте скрепляются двусторонние договоры между князьями, предполагающие, в целом неравенство между ними, но, тем не менее, содержащие взаимные обязательства субъектов договора. Отношения между князьями определялись в официальных документах терминами родства – обладатель статуса более высокого назывался старшим братом или отцом, что, впрочем, не означало, что по отношению к «брату младшему» у первого нет никаких обязательств. Договор основывался на взаимной ответственности его субъектов. Иными словами, на Руси до указанного выше периода преобладали отношения суверенитета-вассалитета, при которых вассал имел право отъезда и прекращения службы. Надо отметить, что в Северо-Восточной Руси предпринимались попытки перехода к министериальным отношениям, существенно сужающим права вассала и превращающим его в подданного (например, установление «самовластия» Андреем Боголюбским), однако на тот момент все они окончились неудачей.

Тем не менее, к XV веку в политической системе Русских земель, объединённых под началом Москвы, происходит переход от отношений суверенитета-вассалитета к подданству, вызванный влиянием жёсткой иерархической структуры Золотой Орды, в состав которой Залесье входило на протяжении почти двух с половиной столетий и династической связью через Софью Палеолог с Византией, политическая система которой тоже была основана на подданстве. Также важнейшими причинами подобных метаморфоз послужили противостояния: внешние - с Великим Княжеством Литовским, условия несения службы в котором неоднократно прельщали бояр и детей боярских Московской Руси, что приводило к их отъездам в первое; и внутренние – в период династических войн середины XV века представители служилой знати также неоднократно меняли сторону. В обоих случаях в интересах великих князей было ограничить переход либо совсем запретить его, что и приводит в итоге к появлению первых крестоцеловальных записей, клятвенно скрепляющих условия договора между его субъектами.

Анализ крестоцеловальных грамот (или «проклятых», названных так вследствие того, что заключительная, санкционная их часть содержит проклятия в адрес присягающего в случае нарушения клятвы) наглядно демонстрирует постепенную, но весьма уверенную трансформацию взаимоотношений великого князя и знати. Так, со временем грамоты теряют форму договора и приобретают форму односторонней безусловной клятвы подданного господину. Выражается это во входящим в обиход использовании в грамотах пейоративных имён, замалчивании титулов, изменении титулования великого князя (впоследствии царя) – от господина к «осподарю» и «государю» в итоге. Если «господин» – всего лишь вежливое обращение к сюзерену, то «осподарь» уже имеет право на переселение крестьян из одного имения в другое по своему усмотрению, а «государь» – безусловный владыка, по отношению к которому все подданные – холопы. Именно «холопами» именуют себя подданные великого князя с начала XVI века. Термин «холоп»

отсутствует лишь в присягах представителей рода Калитичей и знатных людей, перешедших на службу к великому князю из-за границы.

Также в ходе исследования установлено, что изменения в природе властных отношений на Руси описанного периода происходят «сверху-вниз» - изначально давление оказывается на знать, что приводит, в свою очередь, к последующим ограничениям социальных групп, занимающих более низкое положение на иерархической лестнице, в частности, закрепощение крестьян.

Вторая глава «Характер властных отношений в Московском царстве второй половины XVI века» посвящена исследованию взаимоотношений Ивана IV и подданных в период становления сословной монархии и попытки перехода к монархии абсолютной. Здесь же проводится сравнительный анализ крестоцеловальных записей и поручных грамот периодов правления Василия III и Ивана IV.

Формулировки крестоцеловальных записей периода правления Ивана IV не претерпели множественных изменений по сравнению с периодом правления отца первого русского царя за исключением титулования последнего «Государем Царём и Великим Князем». Однако, венчание на царство само по себе – факт весьма значимый, поскольку царь в русском общественном сознании той эпохи подотчётен только Богу, это наместник последнего на земле, выражющий его волю. Помимо текста, о характере властных отношений в Московском царстве можно судить по ряду иных факторов. Так, к примеру, существенно меняется сумма залога за опального боярина, которую обязуются выплатить за него ручающиеся – так, при Иване III побег Даниила Холмского обошёлся бы ручателям в 250 рублей, в 1527 и 1528 годах поручных грамоты составляются уже на 5000 и 2000 рублей соответственно, а в период правления Ивана IV дело доходит и до 15000 рублей – неимоверно огромная сумма по тем временам. К тому же увеличивается количество ручателей: если в 1474 году за опального поручается всего один боярин, то в первой трети XVI в. ручающихся насчитывается уже от 30 до 47 человек. В период Опричнины же подручных

насчитывается уже до 98 человек. Безусловно, число ручающихся зависит от суммы, требуемой в качестве залога – чем большую сумму требует государь в качестве гарантий верности опального, тем сложнее её собрать, таким образом действуется всё большее количество вносящих долю в общую сумму. Последние исследования, касающиеся поручных грамот, позволяю сделать вывод, что инициаторами их составления были сами представители знати Московской Руси, заступавшиеся за собратьев. Вполне вероятно, что налицо была тенденция к сплочению русской аристократии, превращению её в сословие, со временем способное выступать в качестве самостоятельного субъекта государственной политики. Однако политика, проводимая Иваном Грозным – Опричнина, «перебор людышек», воспрепятствовали такому сценарию развития событий. Во всяком случае, последняя из сохранившихся поручных грамот датируется 1571 годом.

Таким образом, представители аристократии, противодействуя давлению государя, ручались за опальных. Государем устанавливалась сумма залога, позволявшая, вероятно, либо снять опалу (и в таком случае поручная грамота сопровождается крестоцеловальной записью) или как минимум предотвратить наказание опального (тогда государь «нелюбье» не отдаёт, вины не прощает, и поручная грамота составляется в качестве самостоятельного документа). Чем деспотичнее был характер власти, тем выше становилась сумма залога. К тому же, нельзя исключать из внимания, что на протяжении двадцати пяти лет Иваном IV велись разорительные для государевой казны Балтийские войны, и практика ручательства, в таком случае, выполняет двойную функцию – это и противодействие отъезду аристократии к иным государям, и, в случае измены, способ пополнить казну за счёт залога.

Любопытным представляется количественное сравнение крестоцеловальных записей и поручных грамот периодов правления Василия III и Ивана IV: 8 и 11 записей соответственно. При этом ни одна запись времён Василия Иоанновича не сопровождается поручной грамотой, из записей же,

составленных при Иоанне Васильевиче, 5 дополнены вышеозначенным документом. Самостоятельных же поручных грамот составлено было 2 и 6 соответственно. Таким образом, очевидно, что активность знати возрастает по мере усиления оказываемого на него давления. В то же время, нельзя не заметить, что общее количество опальных бояр в период правления «грозного» царя выросло несущественно – в целом сохранившихся документов, свидетельствующих об опале, составлено было с 1505 по 1533 годы, то есть за 28 лет правления – 10. В период правления Ивана Грозного отсчёт, на наш взгляд, следует вести с 1547 года, когда юный государь начинает править самостоятельно. Таким образом, за 37 лет правления, подобных документов насчитывается 17. Безусловно, это сопоставление никоим образом не свидетельствует об отсутствии террора и репрессий опричнины, опираясь на него можно лишь предположить, что уже в период правления Василия III на аристократию Московской Руси оказывалось существенное давление с целью лишить её, в частности, свободы передвижения и свободы выбора сюзерена, закрепить за государем. То есть, предпосылки опричнины, не позволившей в итоге интегрироваться знати в единое, политически активное сословие, появившись еще в конце XV в., активно начали складываться в первой трети XVI в.

Таким образом, крестоцеловальные записи в совокупности с поручными грамотами XVI в. отражают окончательное становление и укрепление института подданства, причём подданства, основанного на уверенности населения Московского царства в божественном характере царской власти – уверенности настолько прочной, что аристократия террору и репрессиям опричнины осмеливается противопоставить лишь практику ручательства, либо бегство из страны.

В третьей главе «Крестоцеловальные записи периода Смуты и первых Романовых» рассматривается отражение эволюции фобий московских государей в вышеозначенных документах, а также исследуется попытка часто сменяющихся правителей этой эпохи легитимизировать свою непрочную

власть через присяги. Здесь же рассматривается эволюция крестоцеловальных грамот в правление Алексея Михайловича и причины отказа от ритуала целования креста и замена его «обещанием» на Евангелие.

Если Рюриковичи-Калитичи не нуждались в укреплении своей легитимности (как мы смогли убедиться в ходе исследования в прошлой главе, даже тирания Ивана Грозного не смогла пошатнуть подданных московского царя в его богоизбранности), то совсем иначе обстоит дело с признанием законности власти государей периода Смуты. Если для Калитичей основная фобия, проявившаяся в крестоцеловальных записях, носивших характер индивидуальных присяг на верность – это измена и отъезд бояр к другим государям, то уже в крестоцеловальных записях Смуты, превратившихся в коллективные присяги на верность, фобии носят иной характер. Например, в присяге Борису Годунову мы видим его опасения быть отравленным, а также боязнь «волошества», то есть опасения колдовства в отношении себя и своей семьи. Здесь же фигурируют страхи за сохранение на престоле новой династии – царь Борис остерегается, что претендовать на престол сможет Симеон Бекбулатович, некогда объявленный царём по велению Ивана IV. Присяга Фёдору Борисовичу сохранила все фобии, преследовавшие прежнего государя, и добавила боязнь занятия московского трона самозванцем.

В присяге занявшего трон Клитичей Лжедмитрия отразились его опасения разоблачения, либо сохранения верности народа династии Годуновых. Также страх потерять трон ввиду шаткости положения нового государя фигурирует в присяге на верность Василию Шуйскому.

Опасения возможного ухудшения положения в виду смены власти были характерны не только для государей, но и для подданных: так, в присяге на верность польскому королевичу Владиславу фигурируют страхи русского народа быть принужденными к принятию иной веры.

Присяга же на верность первому Романову отражает усталость народа от нестабильности и жестокости Смуты, желание возврата к досмутным порядкам, в которых даже жестокость Ивана IV, легитимного государя

выглядит законной. Таким образом, заложено основание для дальнейшей сакрализации власти, которое и происходит при первых Романовых. Так, уже в присяге на верность Фёдору Михайловичу, фигурирует его богоданность, богоизбранность. Здесь в качестве оснований легитимности приводится и его родство с Рюриковичами – то есть, «природность», и единогласное его избрание «землём», где «глас народа – глас Божий».

Помимо отражённых в крестоцеловальных записях Смутного периода фобиях московских государей, документы отражают стремление последних легитимизировать свою шаткую власть, и целование креста должно служить соответствующим инструментом. Так Борис Годунов имел право на трон в виду единогласного избрания его государем – если вся «земля» избирает без сомнений, стало быть, воля народа продиктована свыше, «голос народа – глас Божий». Младший Годунов если и был избран Земским собором, факт созыва которого оспаривается некоторыми исследователями, то собор этот был неполным и собранным насспех. Легитимизация его власти, видимо, должна была сочетать два критерия легитимности – преемственность власти от отца – законно избранного государя, и избранность «землём», а стало быть, и Господом.

Лжедмитрий пытается оправдать своё воцарение, конечно, через преемственность власти от отца – Ивана IV, упирая на своё происхождение, «природность». Через преемственность власти в присяжных грамотах пытается утвердиться на троне московском и Василий Шуйский – в документе фигурирует его происхождение от старшей ветви потомков Александра Невского. Помимо принципа преемственности, соблюден и принцип избранности – Василия «выкликают» на собранном насспех Земском соборе. Позже патриарх Иов разрешил москвичей от греха целования креста Лжедмитрию и от нарушения присяги ему же. Таким образом Василий Шуйский «стирает» Лжедмитрия из истории, восстанавливая свою преемственность от прежних государей.

Легитимность Михаила Фёдоровича определяется уже в первую очередь его «богоданностью» - весь собор молил о ниспослании государя, способного прекратить раздор и смуту, и государь был явлен «земле» Божьей волей.

Подводя итог, можно сказать, что крестоцеловальные записи периода Смуты отражают в основном опасения государей в неустойчивости своего положения и желание посредством присяги упрочить, легитимизировать свою власть. Подданные же посредством присяги надеются на выравнивание положения, возврат к стабильности досмутных времён, причём население в коллективных присягах выступает уже в качестве полноценного субъекта политических отношений с государством.

В период правления Алексея Михайловича «Тишайшего», любившего во всём порядок, присяга на кресте унифицируется, упорядочивается, составляется индивидуальная присяга для каждого чина. Однако, после 1654 года крестоцеловальные записи становятся большой редкостью и впоследствии исчезают совсем, будучи заменёнными обещаниями на Евангелии. Так, в 1654 году в чинах присяги мы встречаем иную формулировку: «Аз, имярек, обещаваюся государю своему...якоже во святом евангелии указася еже ей, ей на том, служити мне...». Очевидно, что изменился текст и, собственно, обряд присяги – крестоцелование меняется обещанием на евангелии. Некоторые современные исследователи объясняют это моральным устареванием крестоцелования – во времена Смуты этот обряд был неоднократно скомпрометирован носителями разных титулов, что и послужило поводом к изысканию новых форм присяги. И. Д. Антонов добавляет также, что процесс девальвации крестоцелования начался еще в XVI веке в связи с сомнениями духовенства в правильности клятвы как таковой, поскольку клятва в евангелии считалась греховной сама по себе. Однако, возникает вопрос, почему, невзирая на девальвацию обряда целования креста в Смутное время, его продолжают использовать вплоть до середины XVII века, то есть еще спустя 40 лет.

Не опровергая вышеописанные предположения, автор предлагает рассмотреть причины изменений под другим углом и к причинам вытеснения крестоцелования обещанием на евангелии добавить еще одно весьма важное обстоятельство. Изменение присяги приходится на крайне важные события в истории Московского царства – воссоединение с Украиной, имевшее громадное значение не только политическое, но и религиозное: «тишайший» царь был исполнен намерений встать во главе православной империи, и Украина являлась одной из ступеней на пути к этому свершению. Присяга же разрабатывалась духовными лицами, будучи одним из элементов церковного ритуала чинопоследования. Учитывая, что изменение присяги приходится на период никоновских реформ, можно предположить, что если не сам «собинный друг» Алексея Михайловича был автором исправления, то уж наверняка оно проходило с его одобрения, тем более что предшествовало такому важному событию, как воссоединение Украины с Россией. И также можно предположить, что присягать малороссам царю московскому, по мнению Никона, нужно было согласно всем правилам именно греческого обряда, учитывая важность события и характер Никоновских реформ. Греки же считали возможной только клятву по форме, установленной Евангелием. Так, еще в XII в. Антиохийский патриарх Феодор Вальсамон пишет в толкованиях на правила Василия Великого, что клятва в принципе возможна, если она «законна», то есть не принесена ради исполнения злого дела, но поклявшийся обязан клятву исполнить, так как клятвопреступление также грех. Клясться же следует по евангельской заповеди: не клясться ни небом, ни землёю, потому что небо есть престол Божий и земля подножие ногам Его, и что клятвою должно быть: ей, ей и ни, ни (Мф. 5:34-36).

К сожалению, текст присяги Богдана Хмельницкого и Запорожского войска царю московскому не сохранился, однако в «Грамоте Полтавского полка Полковнику, Старшинам, Войску и всем Малороссийским жителям», призывающей хранить верность Алексею Михайловичу, невзирая на предательство гетмана Выговского, упоминается, что все присутствовавшие

на Переяславской Раде в 1654 году «...Намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству въ соборной Апостольской церкви предъ святымъ Евангелиемъ, по святой непорочной евангельской заповеди Христове, веру учинили...», что подтверждает принесение присяги Запорожским войском Алексею Михайловичу согласно новой формулировке присяги. Спустя два года после присяги Запорожцев, в 1656 году, мы видим присягу о так и несостоявшимся в то время принятии Молдавской земли под высокую руку московского государя составленной аналогичным образом – Воевода Стефан обещается перед святым Евангелием.

Таким образом, можно предположить, что давно ведущиеся споры среди православного духовенства о допустимости клятвы как таковой и девальвации ритуала крестоцелования в период Смуты имеют второстепенное значение. Основную роль в изменении формулировки присяги государю сыграло стремление как Государя светского в лице Алексея Михайловича, так и Государя духовного в лице патриарха Никона создать православную империю во главе с Московским государством, что требовало унификации священных обрядов и книг по греческому образцу, установленному в западных областях Русских земель (в широком понимании термина). Изменения коснулись и присяги, формулирование которой на тот момент входило в компетенцию духовенства.

Таким образом, начиная со Смутного времени, крестоцеловальные записи перестают быть индивидуальными, субъектом политической деятельности становится вся «земля», а присяга становится одним из инструментов легитимации непрочной власти часто сменявшихся государей.

В присягах на верность первым Романовым отражается тенденция к сакрализации власти государя, в итоге закрепившая становление абсолютной монархии в Московском царстве.

В заключении подведены итоги, сделаны обобщения и выводы.

Таким образом, эволюция содержания крестоцеловальных грамот наглядно демонстрирует произошедшие в XVI – XVII веках изменения во

взаимоотношениях государя и народа. Во-первых, изменения в титуловании первого отображают переход от договорных отношений между аристократической элитой и верховным правителем к отношениям подданническим – в итоге последний становится государем, даже «Государем Царём», что означает его подотчётность только Господу, символизирует божественный характер царской власти. Представители элиты же начинают именоваться «холопами» - рабами в первую очередь Божьими, а стало быть, и государственными.

Также понять изменения во властных отношениях указанного периода могут помочь отражённые в крестоцеловальных записях фобии московских государей. В период сабирания русских земель, а точнее, сабирания московскими великими князьями власти, и во время противостояния с Великим Княжеством Литовским за главенство в процессе объединения, остро встал вопрос о праве отъезда служилого боярства, которым оно ранее пользовалось. В данном случае основным страхом Рюриковичей выступает потеря части элиты, которая, к тому же, является костяком дворянского ополчения. Начавшийся ещё в XV веке процесс закрепления аристократии за государем, завершается к концу правления Ивана IV.

У правителей периода Смуты к опасениям изменения в крестоцеловальных записях добавляется страх потерять престол. Осознающие шаткость своего положения часто сменяющиеся государи опасаются быть отравленными, околдованными, непризнанными народом. Присяга становится инструментом легитимизации власти правителей.

В начале XVII века полноправным политическим субъектом становится народ, что также находит отражение в изменении формы крестоцеловальных записей – из индивидуальных они становятся коллективными.

В конце концов ритуал целования креста, сомнения в правильности которого терзают русских книжников несколько сотен лет, уходит в небытие в середине XVII века, выведенный из обихода патриархом Никоном в рамках его грекофильских реформ. Место крестоцеловальных записей заступает

клятва на Евангелии, ставшая одним из символов наступающих перемен, оставивших в прошлом московскую старину, - робко проступавших в период царствования Михаила Фёдоровича, явственно проявившихся в эпоху Алексея Михайловича и волной накрывших Россию при Петре Великом.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ (ДИССЕРТАЦИИ)

Список публикаций в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК при Министерстве науки и образования РФ.:

1. Дружинин, А. А. Эволюция властных отношений в Московском государстве в укреплённых грамотах конца XV – первой четверти XVI века [Текст] / А. А. Дружинин // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». – 2021 — № 1 (41). – 0,4 п. л.
2. Дружинин, А. А. Проблема преподавания спорных вопросов истории в общеобразовательной школе на примере Ливонской войны [Текст] / А. А. Дружинин // Преподавание истории в школе. — 2022. — № 2. — 0,2 п. л.
3. Дружинин, А. А. Крестоцеловальные грамоты периода Смуты [Текст] / А. А. Дружинин // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». — 2022. — № 2. — 0,72 п. л.

Статьи в других изданиях:

4. Дружинин, А. А. К вопросу об изучении Ливонской войны в основной общеобразовательной школе [Текст] / А. А. Дружинин // Преподавание военной истории в России и за рубежом. – Вып. 4. – 2021. – 0,2 п. л.